

### **О поколенческом механизме социальных сдвигов**

Исследователи перемен в российском обществе уже отмечали, что сама шкала возраста, или поколенческая шкала, превращается сегодня в своеобразное измерение не просто психологической адаптации, но и социальной мобильности, становится даже чем-то вроде оси социальной стратификации. Поэтому распределение мнений и оценок прошлого, нынешнего и завтрашнего дня связывается аналитиками, среди прочего, с местом респондентов на возрастной шкале. Хочу привести по этому поводу некоторые данные опросов ВЦИОМ последнего года, но главное — прояснить ситуацию в принципе. То есть — понять, какие социальные и культурные феномены стоят за такого рода наблюдениями в нашей сегодняшней жизни, что они значат здесь и сейчас для социолога (а не, скажем, публициста или педагога).

На протяжении шести лет исследований ВЦИОМ полюса оценок политических и экономических перемен в стране, равно как и отношение к олицетворяющим их структурам и фигурам (прежде всего — к Президенту и Правительству), в целом совпадали с крайними точками на некоей синтетической шкале, объединявшей значения возраста, социальной инициативности, образованности и урбанизированности. Максимум поддержки им выказывало более молодое и образованное население крупных городов, а максимум сдержанности, недоверия, а потом и недовольства демонстрировали более пожилые слои жителей села и мелких городов, люди с менее высоким уровнем образования. Как общая тенденция, подобное распределение симпатий и антипатий сохраняется и сегодня. Так, соотношение одобряющих в целом деятельность Президента, с одной стороны, и требующих его отставки — с

другой, в группе респондентов до 29 лет выглядит в сентябре 1994 г. как 39 к 28, а среди тех, кому больше 50, — как 35 к 46. Соответственно, среди первых соотношение тех, кто требует продолжения экономических реформ, и тех, кто настаивает на их прекращении, выглядит как 37 к 18, тогда как среди вторых — как 23 к 29. Однако применительно к этим стратегическим в масштабе страны вопросам велика доля затрудняющихся с ответом (у "старших" она несколько больше).

Четче выглядит противопоставление оценок по вопросам "установочным", но более близким к опыту респондентов, прежде всего по вопросам экономическим (в самом широком смысле слова). Вот как выглядит соотношение общих "экономических" установок в группах опрошенных до 29 ("молодежь") и старше 50 лет ("старшие") в апреле 1994 г. Респонденты, по их словам, предпочитают (в % к числу опрошенных):

Варианты ответов	Молодежь	Старшие
Иметь небольшой, но твердой заработок и уверенность в	41	71
Много работать и хорошо зарабатывать без гарантий на	37	20
Иметь собственное дело	14	1

Ориентация на социальное достижение (и прежде всего на повышение доходов) дает свои реальные результаты. Молодежи вдвое чаще, нежели 30—40-летним, и впятеро чаще, чем людям старше 50—ти, удалось за последнее время улучшить свое материальное положение. Соответственно, в сентябре 1994 г. считали материальное положение своей семьи "приличным" более половины молодых (52%) и менее трети (31%) старших респондентов; соотношение "еле сводящих концы с концами" в тех же группах — обратное (соответственно 34 и 53%). "За гранью бедности", по их оценке, живут в тех же возрастных группах 6 и 12% опрошенных. Понятно, что различаются и их виды на будущее. Если около трети в каждой из возрастных групп считает, что материальная ситуация их семьи в ближайшие полгода не изменится, то 45% старших (почти вдвое больше, чем среди молодежи) ожидают ее ухудшения; напротив, каждый седьмой среди молодых респондентов рассчитывает на ее улучшение, тогда как в группе пожилых этой оценки придерживается лишь один из двадцати пяти. А реализовавшаяся, подкрепленная опытом установка на предпринимательский успех в итоге дает молодым респондентам более ровное и спокойное настроение, понимание, что жить трудно, но можно. Оно из месяца в месяц преобладает и в целом среди россиян, но у молодежи особенно заметно.

Оценки и поведение двух интересующих нас групп в сфере "политической" в известной мере связаны с экономической активностью (или пассивностью), но складываются под влиянием факторов другого рода и уровня. Ведущий среди них — ценностная дивергенция, разное понимание политики, разный ее удельный вес в жизни, в балансе действий и мнений. Для "старших" политика — это, по привычке, все еще сфера попечительских действий патерналистской — всеведущей и всемогущей — власти. При узости ресурсов и дефиците запасов — социальных, экономических, мотивационных — они от нее зависят буквально во всем, от пенсии и жилья до рациона и здоровья. Но поскольку эти ожидания сегодня все менее оправдываются, то именно поэтому они ею

все более недовольны и все раздраженной ее винят. Сознание своего бессилия перед ситуацией, ее непонимания переносится на время, страну, которые наделяются признаками "иррациональности", "клинической невменяемости" (особенно характерно это для более образованной части старших респондентов — интеллигенции, разочаровавшейся во "власти", "демократии", "народе", "Западе" и тд) и даже собственную жизнь.

У молодых респондентов жизненные приоритеты и картина реальности иные. В последние два года молодежь все чаще избирает для своей реализации неидеологизированные и "незанятые" старшими, недавно приоткрывшиеся сферы — предпринимательство, бизнес, экономическое достижение. Поэтому политика для них — это, прежде всего, то, что гарантирует или, по крайней мере, не мешает заниматься своим делом. Их реакция на неэффективность власти, при невозможности на нее хоть как-то воздействовать, другая: не постоянное внутреннее напряжение и диффузное недовольство, брюзжание и т.п., а, скорее, равнодушие и уход в другие области. Это, в широком смысле слова, настоящее, современность: с одной стороны, "дело", с другой — частная жизнь и прежде всего сверстнические связи, с третьей — развлечения, досуг, игра.

Не случайно доля респондентов, чью жизнь не затрагивают передвижения в верхах, противоборство различных группировок и т.п., среди молодежи за последний год в полтора-два раза больше, чем среди пожилых людей. Но молодежь и не переоценивает возможностей государственного вмешательства в текущие события. В частности, в 1993 г. молодые респонденты в полтора раза реже, чем пожилые, считали, что порядок в стране сегодня в состоянии навести именно центральная власть (этой позиции придерживались соответственно 32 и 49%). Напротив, они, скорее, рассчитывали при этом на местные власти (15% при 8% среди пожилых респондентов) и предпринимателей (9 и 2%), но и их действенность оценивали, как видим, достаточно скромно.

При этом у старших респондентов (и менее доходных групп, работников государственного сектора) оценки своего статуса по различным параметрам — доход, образование, положение в обществе, наконец, удовлетворенность жизнью в целом — заметно рассогласованы. Так, при всего лишь 38% довольных своей работой, 33% — своей жизнью в целом и 11% — материальным положением своей семьи (что для респондентов с низкими доходами более чем понятно), свыше половины их, тем не менее вполне удовлетворены уровнем и характером своего образования и даже своим положением в обществе (а у занятых в государственном секторе эта удовлетворенность еще выше). Молодые же респонденты заметно чаще других недовольны прежде всего атмосферой в своей семье (т.е. отношениями с родителями, пьянством кого-то из старших, теснотой жилья и невозможностью разъехаться и т.п.), а также собственным положением в обществе. При этом они в целом, скорее, удовлетворены уровнем (но не всегда — характером, содержанием) своего образования и намного сильнее других довольны двумя сторонами своей жизни: кругом своего общения (т.е. сверстническими связями и контактами, они их и гораздо активней поддерживают, выше ценят, чем другие группы) и собственным досугом (он, опять-таки, в высокой степени насыщен общением, тогда как более старшие, скорее, переживают сейчас изоляцию и от "большого", и от "малого" сообщества).

Мне кажется более интересным видеть в расхождениях этих групповых (и особенно — поколенческих) оценок по различным осям и параметрам не путаницу в головах несмышленных респондентов и не чисто психологические их самохарактеристики и проекции, а воздействие куда более масштабных и серьезных обстоятельств. Важны здесь именно многомерная структура самоотношения, многопараметрическая композиция этих оценок по разным критериям, отсылка к разным инстанциям и партнерам.

Социолог, вообще, вряд ли имеет дело с прямыми, непосредственными реакциями населения на те или иные экономические обстоятельства своей жизни либо на какие-то политические кампании разной срочности и энергичности. В данном же, конкретном случае мы находимся как раз в такой ситуации, когда принудительно единообразные, неблагоприятные для всех экономические условия диверсифицируются, так как единые минимизированные потребительские стандарты потеряли силу. С другой стороны, политическая вовлеченность и даже известная перевозбужденность населения заметно упали. Вышел на поверхность глубокий кризис патерналистского сознания, которое ждало позитивных изменений исключительно от "отеческой", "своей" власти как единственного источника любых благ и перемен. С третьей, утрачивают свою преимущественно мобилизующую роль "коллективного организатора" централизованные, монополизированные государством средства массовой коммуникации (СМК). Исчерпываются функции и потенциал интеллигенции. Исчезает единая, авторитарная система индоктринации и усвоения образцов, монолитная иерархия авторитетов и оценок в виде педагогической дидактики, просветительских масс-медиа. В подобных постмобилизационных условиях, более сложных обстоятельствах проступает воздействие фундаментальных, долговременных факторов, которые во многом, если не преимущественно, связаны с разными уровнями, фазами и темпами отечественной модернизации — индустриализацией, урбанизацией, образовательной и "досуговой" революциями и пр.

В ходе этих процессов существенно изменились многие базовые параметры общества, трансформировалась его статусно-ролевая структура и соответствующие представления людей. Вот как распределились оценки своей жизни сравнительно с жизнью родителей у респондентов различного возраста в июне 1994 г. (в % к числу опрошенных):

*"Если сравнить Вашу жизнь с жизнью Ваших родителей, когда им было столько лет, сколько Вам сейчас, то что из перечисленного лучше, а что хуже в Вашей жизни, чем в жизни Ваших родителей?:"*

Возрастные группы	Преимущества				
	Доход	Образование	Положение в обществе	Возможность отдохнуть	Жилье
До 24 лет	26	24	5	18	29
40—55 лет	26	32	10	7	36
Старше 55 лет	21	19	5	5	29

Как видим, более заметные преимущества в уровне образования, жилье (т.е. в образе жизни) и, в какой-то мере, в общественном положении получили, в сравнении со своими родителями, нынешние "отцы" и "матери" — поколение родившихся между самым концом 30-х и началом 50-х годов. Именно на них пришлось урбанистическая

и образовательная "революции", и тут свое превосходство ощущают не менее трети поколений. Превосходство в доходах скромнее, и по поколениям дифференцировано достаточно слабо. Минимально же превосходство практически всех поколений в оценке своего социального статуса. Это понятно. Статус, по самому функциональному смыслу, как бы "стягивает" в себя оценку и признание достижений индивида обществом (т.е. разными его группами) по разным осям — образования, дохода, квалификации, качества жизни и т.д. То есть он, можно сказать, переводит достижение в состояние, динамический импульс — в элемент стабильной и воспроизводящейся структуры, которая тем самым интегрирует группы с разными достиженческими показателями, различными профилями ценностных предпочтений.

Общество же советского типа как раз таково, что достижения по этим осям соотнесены крайне слабо, иными словами, разные ценности и стоящие за ними группы не интегрированы в структуру общества. Она выстроена по-другому и на иных основаниях. В ее основе — иерархическая вертикаль власти и разрешенной карьеры, а также оси, отделяющие официальную жизнь от семейной и домашней, идеологию от повседневности, т.е. "начальство" от "массы", между которыми и становятся необходимы такие посредники, как "интеллигенция" и т.д. ("отмеченным" является первый член подобной пары).

Анализ ответов на тот же сопоставительный вопрос по другим социально-демографическим параметрам показывает, что высокие доходы, уровень квалификации и принадлежность к частному сектору не дают для респондентов значимого прироста в общественном признании, а уровень образования, конечно, дифференцирует доходы, но влияет на них куда менее заметно, чем на общественное положение. Успех, положение в обществе и общественное влияние вообще крайне слабо связаны в сознании наших респондентов (два этих последних компонента входят в представление об успехе не более, чем у 4—6% опрошенных в августе 1993 г.). Но коренным образом на оценку общественного положения влияет другое: принадлежность к административной верхушке, к руководству, начальству.

Эта группа, как свидетельствуют их оценки, выиграла в сравнении с родительским поколением по большинству параметров — положению (так считают 37% опрошенных в данной группе), доходу (мнение 43%), образованию (каждый второй). Лишь в расширившихся "возможностях отдохнуть" среди всех групп лидирует молодежь (это преимущество отметили 18% молодых опрошенных; для них и семантика отдыха в сравнении с родителями, конечно же, другая: не отоспаться, а "оттянуться"). Наибольшие жилищные преимущества перед родителями получили, по их оценке, служащие (на это указали 47%, и показатели роста здесь, думаю, связаны с низким исходным уровнем — углом в общежитии, комнатой в бараке или коммуналке). Но если самооценку интеллигенции другие группы с годами разделяли все реже из-за снижающейся в статусном плане авторитетности "инженеров" и "училок" в массе населения, то от высокой самооценки начальства остальных отделяли статусно-иерархические барьеры, закупоривавшие каналы мобильности, делавшие социальное продвижение для абсолютного большинства практически

недоступным (отсюда — незначимость общественного положения и влияния для оценок успеха, при ведущей роли таких признаков, как "доход" и "материальные блага").

Социальные изменения и адаптация к ним разных групп и слоев в подобных условиях могут осуществляться, быть как-то опознаны или хотя бы постфактум признаны лишь в привычных, "естественных", традиционализирующих формах. Одна из таких форм, в данном случае претендующая на роль главной — это смена поколений (с консерватизмом структуры общества и его нормозадающего слоя связана и живучесть старой интеллигентской формулы, заданной еще людьми сороковых годов XIX в. — "отцы и дети"). С другой стороны, накапливаться эти перемены должны настолько долго, что различия приобретают значимость, "бросаются в глаза" лишь для крайних, полярно противостоящих друг другу точек. Такими в нашем обществе являются, например, крупные города с более или менее развитой промышленной и культурной структурой, пространством выбора (областные или краевые центры, еще лучше — столицы), с одной стороны, и малые городские населенные пункты, поселки, а фактически — жилые слободы при крупном монопрофильном предприятии — с другой.

Какие поколенчески-урбанизационные сдвиги здесь происходили, можно видеть по ответам наших респондентов об их родителях в том же июньском опросе 1994 г. Выберу лишь три показательных для нашей темы позиции из вопроса (в подсказке их можно было отметить несколько, поэтому сумма по горизонтали превышает 100%) — *Что из перечисленного было у Ваших родителей?*

Возрастные группы	Деревенский дом	Отдельная квартира	Домашняя библиотека
До 24 лет	20	61	34
40-55 лет	47	26	11
Старше 55 лет	60	9	5

В этом смысле собственно цивилизационный перелом накапливался даже не от поколения к поколению, а через поколение, так что максимум разницы тут — между "дедами" и "внуками". Уровень нормы, достигнутой "отцами" в сферах, обеспечивающих жизнедеятельность, отвоеванный их усилиями и воспроизводимый изо дня в день порядок существования выступает для следующего поколения, опять-таки, естественным положением вещей, чем-то само собой разумеющимся. В то же время сила ценностного, идеологического от старших поколений отторжения выступает как механизм сдвига, в ней опознается энергетика перемен. Поэтому понятие накопления здесь следует уточнить. Накапливается даже не сдвиг, а разрыв, негативный потенциал расподобления с предшественниками, со старшими, так что неосознанно, "механически" репродуцируются лишь самые общие и рутинные слои существования, тогда как любые более высокие уровни действий и значений либо исключаются из реальности, объявляются несуществующими, либо подлежат сознательному невоспроизводству ("так жить нельзя"). Символической фигурой такого растожествления для первых поколений горожан — "отцов" против "дедов" — выступал персонаж, обобщенно именуемый "деревня" ("Ну

ты, деревня!"), т.е. нижний уровень заданной и упрощенной, чисто иерархической, социальной структуры. Для следующего поколения такой фигурой стал "совок" — иными словами, тип человека, за которым стоит уже вся система устройства советского общества, его структура как таковая (характерно и другое, "природное" обозначение соответственного человеческого материала тем же поколением: это, говоря словами одного из рок-кумиров молодежи, "козлы").

Для самого старшего, первого советского поколения период социализации которого пришелся на военные и первые послевоенные годы, все более характерны сегодня настроения доживания и усталости, полного отчуждения от происходящего. Весь жизненный мир и социальный опыт этих людей (замкнутый космос советской идеологии, с одной стороны, и подпольный этос терпения и выживания — с другой) сегодня не просто обесценены в глазах других поколений, но, что гораздо более существенно, символически отторгнуты самой властью. Ни заслуженного покоя, ни зрелой умудренности это "поколение победителей" прежней официальной пропаганды не получило и не извело.

Другой комплекс переживаний присущ поколению людей, социализированных в 50—60-е годы. Они более скептически относятся к советской героике, со времени афганской войны начали понимать ущербность коммунистической системы, но не видели ей реальных альтернатив. Они стремились, по возможности, хотя бы "цивилизовать" эту систему, но больше всего желали забыть о терроре, который пережили их отцы и матери, жить не боясь бедности, дать образование детям, получить квартиру и работать не убиваясь. При этом основная структура ожиданий и представлений о социальной организации общества осталась почти той же самой, что у предшествующего поколения. Неприемлемыми были лишь крайности — фанатизм, властное принуждение, подавление общества государством. Сознание патологии тогдашнего режима (но не советской системы как таковой) обеспечило мобилизацию многих представителей именно этого поколения в конце 80-х—начале 90-х годов. Причем решающими для большинства из них, как теперь видно, оказались не столько позитивные ориентиры или образцы, сколько нежелание жить как раньше.

Так, зрелое поколение (люди 40—55-летнего возраста) приняло ценности стабильного, частного и именно в этом качестве — благополучного существования как норму. Однако отталкивание от "отцов" задало лишь ретроспективные ориентации; новых моделей поведения, понимания реальности, видения перспектив в целом не возникло. Поэтому, поддержав смену социально-политического режима и его идеологии, это поколение оказалось неготовым к выработке и принятию тех ценностей и социальных форм, которые несла с собой рыночная экономика, — терпимости к неравенству, духу и вызову конкуренции, нескрываемому активизму, индивидуалистической свободе. Скоро стало ясно, что времени адаптироваться к новым условиям у людей этого возраста уже нет. Поэтому именно они переживают сегодня наиболее тяжелый кризис самоидентификации, перегружены различными видами социальной подозрительности, ксенофобиями по отношению не только к этническим, но и к любым социальным "чужакам" (будь то "новые русские" или "мафия", "заговор против России и русских", "угроза нашей самобытности").

Лучше всего чувствуют себя сегодня молодые люди, особенно мужчины с высоким уровнем образования. Их стартовый уровень (обучение, качество жилья, потребительская среда и др.) во многом, как мы видели, обеспечен родителями. Сегодняшний день — это "время молодых", время открытых возможностей, интенсивной работы, высоких заработков. В своих потребительских запросах они ориентируются на Запад и соответствующие нормы трудовой достижительской мотивации. Это поколение прошло период социализации в момент острого разложения и развала системы, некоторые даже позже. Закат "великой идеи", крах патерналистской культуры, так задевающие их родителей, ими, скорей всего, даже не замечены и не составили для них "событий". Событийная канва их сегодняшней жизни иная, как иные, не затронутые ни официальной идеологией, ни оппозицией ей, рамки самооценки, другая трудовая мотивация, иная мера успеха.

Различия в более долговременных жизненных ориентирах поколений можно видеть, например, по тем дефицитам в нынешних школьных программах, которые отмечают наши респонденты. Старшие (а также женщины, жители сел и малых городов) значительно чаще среднего требуют, чтобы больше преподавали такие предметы, как труд, домоводство, родной язык и литературу, Закон Божий. Молодежь, а вместе с ней жители крупных городов и Москвы, но особенно — предприниматели (списки пожеланий двух этих групп полностью совпадают) считают, что больше внимания сегодня нужно уделять общественным наукам, навыкам работы на компьютере, спорту, сексуальной грамотности, делопроизводству, истории.

Вместе с тем всякого рода суждения о предпочтениях стоило бы рассматривать и сравнивать не для разных групп по отдельности, а сопоставлять структуры ценностных ориентаций, причем в разных системах идентификации, в рамках отношения к разным авторитетам, к фигурам отождествления или, напротив, отталкивания. Тогда семантическая валентность таких характеристик, как, например, "прагматизм", "жестокость" и прочее, может выявить совершенно иной, далекий от морализма смысл. А, скажем, "неискренность, лживость" окажутся механизмами адаптации к требованиям различных инстанций, групп, выдвигаемых этими группами ценностных порядков в условиях, когда нет (уже!) ни однозначной иерархии ценностей, ни (еще!) универсальной меры.

В этой перспективе можно будет говорить о разных осях самосотнесения, разных уровнях оценок — политических, экономических, идеологических, культурных, цивилизационно-повседневных и пр. Тем самым откроется возможность анализировать их происхождение (устанавливать "авторство" и "группы подхвата"), проследить их связанность или, напротив, рассогласованность, отделять динамические аспекты от устойчивых и воспроизводимых. Например, видеть, что, при различии в оценках прошлого ("до 1985 г.") пожилыми респондентами и молодежью, значимость и даже иерархия критериев этих оценок ("сильная держава", "единая страна", "порядок" и т.п.) у них совпадают. Или осознавать, что на "глубине" исторической памяти — в картине мировой истории, крупнейших событий или деятелей XX в. — у всех поколений пока что господствует единая модель. По своему происхождению она советская и



почерпнута из школьных учебников с добавкой некоторых элементов из перестроечных масс-медиа. Возможности подобной стереоскопической оптики предполагается опробовать на втором этапе исследования ВЦИОМ "Советский человек" (итоги первого опроса по этой проблематике в 1989 г. были обобщены в книге "Советский простой человек", 1993, результаты второго опроса по сопоставимой программе получены в конце 1994 г.).

*Вопрос.* Когда анализируются оценки на возрастной шкале, появляется опасность недооценки чисто биологического закона. Нет ли здесь просто возрастной закономерности разного восприятия жизни молодыми и старыми людьми? Я подозреваю, что если такой опрос провести в других странах, в благополучной обществах, мы получили бы аналогичные результаты. Некоторые оценки, о которых Вы говорили, нейтральны к возрасту, а некоторые зависят от биологии. Как Вы думаете?

*Ответ.* Замечательный вопрос, потому что это как раз та часть доклада, которую я в спешке вынужден был опустить. Да, наверное, есть некое распределение культурных оценок, мотивов действия, некоторой энергии действия и т.д., по биологическим возрастам. Нелепо было бы здесь возражать. Наверное, эта как бы чисто биологическая система в известной мере санкционирована культурными символами, поддержана какими-то структурными социальными механизмами. Это опять-таки понятно. Вхождение в институциональную систему, выход из институциональной системы, скажем, на пенсию и т.д., — это реальная действительность. Может быть, в этом смысле в какой-то части подобное распределение оценок повторится и в обществах другого типа. Но я хотел обратить внимание на другое. Наше общество, как я думаю (и отчасти я об этом рассказывал), принадлежит к такому типу, в котором большинство изменений должно приобрести характер почти естественных, почти возрастных, почти противостояния отцов и детей, чтобы быть признанными как изменения. Я думаю, проблематика отцов и детей не потому постоянно возвращается в русскую культуру, что русские отцы и дети постоянно дерутся, а потому, что это устойчивый механизм объяснения изменений, происходящих в обществе. Во многом, я думаю, это связано с характером тех, кто объясняет. Проблему отцов и детей, как вы помните, сформулировала русская интеллигенция на первом этапе своего существования. Я думаю, что во многом это связано с особенностями русской интеллигенции, с ее взглядом на общество. Вы посмотрите, действительно, должны накопиться микроизменения на всех градациях шкалы, включая ее крайние значения — от самых молодых до самых старших, от микрогородов и поселков и слобод при предприятиях ВПК до столицы — Москвы, чтобы мы эти изменения заметили и сказали: "Да, изменения действительно происходят". Поэтому, помимо того что есть, во-первых, поколенческий механизм социальных сдвигов в обществах любого типа и, во-вторых, механизм поколенческих сдвигов в обществе данного типа, где он приобретает особый смысл в связи с особым характером этого общества и особым типом модернизации этого общества, есть еще,

в-третьих, особая трактовка поколенческих сдвигов и поколенческих изменений той социальной прослойкой, которая в этом обществе предназначена опознавать эти изменения, давать им диагноз, говорить, хороши они или плохи, имеют они место или не имеют. Я бы предложил различать три этих уровня.

Вопрос. Мне бы хотелось попросить Вас, развивая ту мысль, которая звучала в Вашем ответе на последний вопрос, еще немножко сказать о механизмах институционализации, отсутствие которых Вы так резко обозначили. Что это за механизмы по своему типу?

Ответ. Я об этом немного говорил, хотя и бегло. Вообще-то говоря, система социальной стратификации и есть, на мой взгляд, универсалистская система, которая позволяет в этом смысле сопоставлять разные импульсы к изменению, каким-то образом их сортировать, селективно к ним относиться и какие-то из них воплощать в элемент самой структуры, которая будет дальше воспроизводиться. Как это происходит? Разговор опять-таки очень долгий. Условно говоря, если речь идет об экономике, то это рынок. Рынок — это система, куда выносятся различные системы ценностей, различные системы оценок, и дальше идут сравнение, выбор, конкуренция, борьба, победа, закрепление и т.д. Соответственно, там есть деньги как механизм, оценивающий: достиг—не достиг. Если речь идет о политике, то это соответствующие представительские структуры, механизмы, сфера публичности, о которой нужен был бы отдельный разговор. Это, вообще говоря, принципиальная вещь. Система массовых коммуникаций сферу публичности не заменяет, функционально заменить не может. Массовая культура, которая замечательно сейчас работает на цивилизационном уровне, сферу публичности, представления публичных интересов, ценностей и т.д. заменить в этом смысле тоже не сможет. И когда я говорил о необходимости сейчас структур, а не "великих идей", я имел в виду, в частности, именно это. Соответственно, если речь идет о культуре, то это принцип субъективности ценностей, выносимых как механизм самоопределения на всеобщее обозрение и обсуждение.

Вопрос. Есть такая расхожая метафора: "потерянное поколение" или "потерянные поколения". Приходилось ли Вам с нею работать, и если да, то на кого и в каком смысле она может указывать?

Ответ. Нет, не приходилось. Но Вы помните обстоятельства, в которых это понятие было рождено: его придумала Гертруда Стайн для поколения Хемингуэя и тех ребят, которые пришли с войны со всем ее опытом. Может быть, стоило бы не переносить эту вещь в нашу обстановку — да это вряд ли и возможно, — а задуматься над объяснительными возможностями такой метафоры, например, для афганского поколения (но здесь я воздержусь развивать дальше эту мысль). Это одна Второе: в теперешнем обществе есть проблема — я о ней несколько раз говорил сегодня — не молодежи (на мой взгляд, проблемы молодежи уже нет, проблема молодежи была в прежнем, застойном обществе), а сорокалетних, есть проблема этого поколения. Может быть, стоило бы подумать о названной метафоре для этого поколения. Я знаю случай, когда эта метафора была применена, правда, не ко всему поколению, а к его поэтам. В старой литературно-центристской русской культуре было принято приравнивать поколение к его

поэтам. Роман Якобсон писал про свое поколение, что это поколение, которое убило своих поэтов, имея в виду Маяковского и др. Есть метафорическое определение нынешнего поколения сорокалетних как "зарытых заживо". Его дала Ольга Седакова. Но, вообще-то, метафоры могут только то, что они могут.